

Глава 5

Они вышли на улицу.

Дождь припустил сильнее. Поднимающийся пар укутал едва взошедшее солнце, и Деревня Множества Благословений словно ушла под воду — петляющие вдали дороги без остатка поглощала клубящаяся белая мгла.

Цзян Ту соткал из духовной силы два невидимых купола, похожих на зонты. Тот, что побольше, укрыл его самого, а поменьше — прикрыл Е Хуая, надежно защищая обоих от холодных струй.

Едва над ними раскрылась защита, как вновь раздался призрачный женский голос. На сей раз он прозвучал совсем близко, словно молодая невеста шептала ласковые слова прямо в ухо, заигрывая и ластясь:

— Третий день третьей луны — время играть свадьбу...

Но Е Хуай, вопреки ожиданиям, почти не испугался. По сравнению с прошлой ночью он держался на удивление спокойно.

Он сделал шаг ближе к Цзян Ту, настороженно озираясь по сторонам:

—... Оно там.

Багряный свадебный паланкин застыл в глубине тумана, паря в воздухе, словно дожидался их уже целую вечность.

— Поднимайте паланкин, скорее поднимайте...

На этот раз даже Е Хуай уловил в протяжном голосе нетерпеливые, торопливые нотки.

Мальчик выжидающе посмотрел на Цзян Ту, дожидаясь его решения.

Цзян Ту же, рассудив, что без должной огранки даже лучший нефрит останется простым булыжником, вернул выбор ему:

— Решай сам.

Е Хуай глубоко вздохнул и, словно набравшись храбрости, произнес:

— Благодетель, я хочу пойти за ним и посмотреть.

Цзян Ту одобрительно усмехнулся:

— Идем.

Свадебный паланкин, едва заметно покачиваясь, поплыл вперед, указывая дорогу.

Шум дождя казался вязким, липким. Чьи-то невидимые шаги шлепали по грязи прямо за их спинами, следуя по пятам.

Шлеп, шлеп.

Вокруг клубился лишь непроглядный туман. Казалось, они прошли уже версту, но в то же время не сдвинулись ни на пядь. Плотная пелена лишала Е Хуая всяких ориентиров, вселяя в душу смутную тревогу.

С каждым шагом мальчик сокращал расстояние, прижимаясь к спутнику все плотнее, пока его пальцы робко, украдкой не ухватились за край одеяния Цзян Ту.

Цзян Ту притворился, будто ничего не заметил, но послушные его воле воздушные купола бесшумно слились в один широкий навес, укрывший их обоих.

Вскоре паланкин остановился.

— Хи-хи... Хи-хи...

Жуткий смешок растворялся в каплях дождя, перетекая в искаженный, то ли плачущий, то ли издевательский стон.

Стоило эху угаснуть, как туман перед ними расступился.

Взгляду открылась придорожная каменная стела с высеченным названием: «Деревня Множества Благословений». В её тени, повернувшись к ним спиной, сидела девушка с тонкими косами. Плечи её мелко вздрагивали — сквозь пелену дождя доносился тихий, безутешный плач.

Убитая горем беглянка рыдала так самозабвенно, что не слышала чужих шагов.

Вдруг она уловила нечто странное: холодная влага больше не касалась её плеч. Разве дождь утих? Нет, вокруг по-прежнему хлестали серые косые струи.

Смутная догадка заставила её медленно поднять голову. Над ней, покачиваясь в воздухе, распускался невиданный, диковинный цветок яркого окраса. Его широкие лепестки надежно укрывали её от непогоды.

Раздался спокойный голос:

— Всё ещё хочется плакать?

Девушка вздрогнула и едва не вскрикнула от испуга, но, обернувшись, онемела.

Перед ней стоял невероятно красивый юноша — его черты лица казались утонченными, но в то же время резкими, таящими в себе грозную, холодную силу.

Рядом с ним стоял хорошенький черноволосый мальчик, глядевший на неё с робким, детским любопытством.

Оба они казались чужаками, бесконечно далекими от убогой Деревни Множества Благословений.

Девушка словно лишилась дара речи. Цзян Ту вздохнул и терпеливо повторил:

— Поплакала? У меня к тебе пара вопросов.

— Я... — Девушка приоткрыла рот, но тут же испуганно отшатнулась, прижавшись спиной к каменной стеле.

Цзян Ту заметил одну деталь: когда её пальцы едва не пересекли условную черту за стелой, она резко, словно от удара, отдернула руку назад. Беглянка панически боялась покинуть пределы деревни.

Цзян Ту размышлял:

"Странно. Она проделала такой путь, спасаясь бегством, и застыла у самой черты. Почему она просто сидит здесь и плачет? Что же ждет её там, за пределами деревни?"

На ум Цзян Ту мгновенно пришел багряный паланкин. Но, поразмыслив, он вспомнил, что тот появлялся дважды и оба раза лишь указывал дорогу: сначала привел их в деревню, теперь — к этой девице. Никакого вреда он не нес, действуя как прилежный и молчаливый проводник.

Однако на сей раз паланкин не спешил исчезать, затаившись в тумане неподалеку. Алое пятно смутно проступало сквозь молочную сырость, словно невидимый возница решил понаблюдать

за происходящим.

Не почуяв опасности, Цзян Ту не стал тратить на него время и вновь сосредоточил взгляд на беглянке.

На ней была лишь тонкая нижняя рубаха, насквозь промокшая и облепившая исхудавшее тело так, что сквозь ткань отчетливо проступали острые лопатки.

В глазах девушки застыла немая мольба, а темные круги под глазами делали её вид еще более жалким и затравленным.

Цзян Ту опустил на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне:

— Зачем ты сбежала со своей свадьбы?

Она задрожала еще сильнее, запричитав сквозь зубы:

— Не пойду... Я не выйду замуж... Не пойду!

Цзян Ту не стал допытываться о причинах. Ответ крылся в самом нежелании.

Цзян Ту спросил снова:

— Раз не хочешь замуж, почему не бежишь дальше? За пределы деревни?

Вопрос прозвучал резко и прямо. Девушка затряслась в истерике, испуганно твердя одно и то же:

— Нет, нельзя! Мне не выбраться... Я никогда не смогу уйти...

Цзян Ту мысленно повторил:

" «Не выбраться»? Любопытная оговорка. Преграда может быть физической, а может — внутренней, рожденной страхом. Разница всего в одну букву, но между ними — пропасть. К какому же случаю принадлежит эта бедняжка?"

Цзян Ту собирался продолжить расспросы, но краем глаза заметил колеблющиеся отблески огня позади. До ушей донеслись возбужденные крики: «Нашли! Она здесь!»

Цзян Ту недовольно нахмурился. Он терпеть не мог, когда его прерывали.

— Приготовься, — негромко бросил он молчаливому Е Хуаю и, не давая времени на расспросы, незаметно сплел пальцами печать. Воздушный щит, оберегавший их от ливня, мгновенно растаял.

Не стоило здешним смертным знать, что они имеют дело с практикующими заклинателями.

Ледяной поток тут же хлынул Е Хуаю на макушку. Мальчик тихонько охнул и смешно отряхнул мокрую голову.

Расчет оказался безупречным: стоило защите исчезнуть, как из тумана вывалилась толпа крестьян с пылающими факелами.

Они словно не замечали ни Цзян Ту, ни Е Хуая — все их взгляды были прикованы исключительно к беглянке.

Хрипло отдуваясь, вперед выступил хромой мужчина. Тяжело заваливаясь на укороченную ногу, он приблизился к дрожащей девушке.

Едва бедняжка попыталась подняться, как он с размаху влепил ей пощечину. Звонкий удар повалил её обратно в дорожную грязь.

Удерживая равновесие на здоровой ноге, Хромой Ван принялся неистово избивать её ногами:

— Дрянь паршивая! Бегать вздумала?! Я тебе покажу, как бегать! А ну попробуй еще раз, тварь, попробуй!

Она каталась по холодному месиву, скрючившись, словно дождевой червь, и беззвучно сносила побои, принимая на себя всю ярость Хромого Вана.

Толпа безучастно взидала на эту жестокую расправу. Ни один человек не шевельнул пальцем и не заступился — для местных подобное давно стало привычным делом.

Наконец, не в силах больше терпеть муки, девушка заскребла пальцами по мокрой земле, тщетно пытаясь отползти, и сквозь рыдания простонала:

— Сестрица... Сестрица...

Этот тихий зов лишь пуще раззадорил Хромого Вана:

— Еще и сестру свою поминаешь?! Посмеешь сбежать — клянусь, сгинеешь точно так же, как она!

— Хватит, старина Ван! — наконец подал голос староста. — Остынь, зашибешь девку насмерть.

С самого появления крестьян Цзян Ту хранил ледяное молчание, застыв под дождем прямой и невозмутимый, точно вековой кипарис. Сколько бы Е Хуай ни бросал на него умоляющих взглядов, мужчина оставался глух к его немому призывам.

Но стоило избиваемой упомянуть «сестрицу», как староста тут же вмешался. Цзян Ту медленно поднял веки, и его прищуренный, холодный взгляд скользнул к зачинщикам бесчинства.

Поняв, что сболтнул лишнего, Хромой Ван ожёг пленницу яростным взглядом и нехотя опустил ногу.

Староста с парой мужиков шагнули вперед и принялись грубо вязать девицу толстой пеньковой веревкой. С ней обращались без тени жалости, точно со скотиной перед забоем.

Толкнув связанную в спину, староста скомандовал остальным:

— Уведите её. Заприте в родовой усыпальнице и глаз с нее не спускайте! Чтобы больше ни шагу со двора!

Они действовали лихорадочно, спеша убрать девицу с глаз долой, будто панически боялись, что она успеет сболтнуть лишнее чужакам.

И тут Цзян Ту негромко спросил:

— Как её зовут?

Староста замер на месте, но ответил:

— Девку-то? Паньди зовут. Ван Паньди.

— А сестру? — последовал новый вопрос.

Староста резко обернулся. В его глазах на мгновение вспыхнула затаенная злоба:

— Почтенный господин, это дела нашей общины. Вам не кажется, что вы проявляете излишнее любопытство?

Цзян Ту лишь равнодушно пожал плечами:

— Что ж, раз это тайна, я не настаиваю.

Староста опешил. Равнодушие незнакомца заставило его устыдиться собственной вспыльчивости. На его лице тут же нарисовалась подобострастная ухмылка:

— Да какая там тайна... Просто померла её старшая сестра не так давно. Скоропостижно. Поминать усопших в разгар праздника — дурная примета. Звали её Чжаоди. Ван Чжаоди.

Чжаоди — «призови брата», Паньди — «жди сына»...

За долгие века на посту Владыки преисподней Цзян Ту повидал бесчисленное множество душ с подобными именами. Были среди них и Лайди, и Ванди, и Сюйди — пустые, пренебрежительные прозвища, лишавшие девочек права на собственную судьбу.

Услышав это, Ван Паньди яростно забилась в путах — даже под градом побоев она не сопротивлялась с такой силой. Её налитые кровью глаза бешено сверкнули:

— Моя сестра — не Чжаоди! Её зовут Фуяо! Подобно Великому Пенгу, взлетит она с попутным ветром...

Хлесткий удар прервал её на полуслове — староста разбил девушке губы в кровь.

В рот Паньди грубо запихали грязное тряпье, лишая голоса, и уволокли прочь под её приглушенное мычание.

Внимание толпы переключилось на бьющуюся пленницу, и о чужаках мгновенно забыли.

Небеса словно прорвало — ливень хлынул с новой силой. Цзян Ту вновь соткал над головой невидимый заслон, но заметил, что Е Хуай успел отступить на несколько шагов назад. Теперь один купол не мог укрыть их обоих.

Едва подобрав мальчишку, Цзян Ту понял: тот скрытен, но умен не по годам. И все же детская непосредственность выдавала его с головой. Сейчас Е Хуай стоял, понутив мокрую голову и уставившись в землю. Трагедия Ван Паньди глубоко ранила его юное сердце, а безучастность спасителя, вероятно, посеяла в его душе горькое разочарование и сомнения.

Он походил на маленького ежа, готового при малейшей тревоге свернуться в колючий клубок. Дурная привычка — так недолго и задохнуться от нахлынувших обид. Цзян Ту твердо вознамерился со временем излечить его от этого недуга. Но не прямо сейчас.

Крупницы сведений, вырванные у старосты, следовало пустить в дело незамедлительно.

— Ван Чжаоди, — губы Цзян Ту приоткрылись, и его ледяной, властный голос разрезал пелену дождя. — Предстань передо мной на суд!

<http://bllate.org/book/19047/1908147>